

Содержание

“Певец, достойный лучшей доли”. <i>Анна Сергеева-Клятис</i>	9
---	---

ЧАСТЬ I

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	21
Братья	23
Отцы и дети	32
Матери, сёстры, жёны	41
Лучшее время	51
Первая война	85
Под знаменем Беллоны	94
Под знаменем любви	100
Возвращение	105
Воспоминание	114
“В своей тарелке”	118
В ореховой скорлупе	125
Ахилл Батюшков	132

ЧАСТЬ II

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	143
Облюбование Москвы	146

В Тверь, в Тверь, в Тверь	156
Дело Бибриса	165
“Разные замечания”	179
Батюшков не празден	184

ЧАСТЬ III

Из дневника доктора Антона Дитриха. Лето 1828	203
Завтра война	205
Голос	227

ЧАСТЬ IV

Из дневника доктора Антона Дитриха. Лето 1828	235
Хранитель древностей	238
1812. Молодые люди	248
“Мой друг, я видел море зла...”	272
Битва народов: Expedition zum Grab	281
Две войны генерала Раевского	296
Улисс	307
Эффект барабана	319

ЧАСТЬ V

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	335
Тень друга	338
Павловск	360
Приютино	368
Москва	381
Петербург	397
Мечта	411

ЧАСТЬ VI

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	433
От галиматъи галиматъя	437
Басманный философ	458
Дедал	473
Нечто о поэзии и религии: первое и последнее отступление	492
Эра милосердия	498
Одесса: воспоминание о будущем	514

ЧАСТЬ VII

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	539
Изобретение Рима	543
Золотой век	562
“Под небом сладостным Италии моей...”	570

ЧАСТЬ VIII

Из дневника доктора Антона Дитриха. 1828	593
Батюшков не болен	600
Эпилог	616
Избранная библиография	636

“Певец, достойный лучшей доли”

Константин Батюшков — загадочная фигура в русской литературе. Человек короткой творческой судьбы, который рано исчез в неизвестность даже для своих современников. Белинский, упомянувший Батюшкова в одной из своих статей, был уверен, что пишет о покойном поэте — и ошибался. Душевнобольной Батюшков в это время жил в Вологде, но для поэзии он, действительно, умер.

Батюшков — одна из самых значимых фигур на культурной сцене своего времени, и при этом стесняющийся своего дарования, неуверенный в себе, вечно колеблющийся между сознанием важности своего дела и ощущением его несерьёзности, необязательности. Инстинктивно нащупавший “виноградное мясо” поэтического языка, создавший “образ совершенства” русской поэзии, Батюшков был фактически заслонён своим ближайшим другом и соратником В.А. Жуковским, чьё имя известно каждому школьнику. Жуковскому удалось закрепиться в памяти потомков ещё и благодаря знаменитой надписи, которую “побеждённый учитель” посвятил своему “победившему ученику”, неважно, что “учитель” и “ученик” для участников этой истории были понятиями вполне условными. Да что и говорить, Жуковский — гениальный поэт! И тем не менее Батюшков оказал на Пушкина влияние более значительное, нежели Жуковский. А через него повлиял на весь строй русской лирики, создал её гармонический извод.

Однако имени Батюшкова не знает и не помнит сейчас почти никто.

Эта историческая несправедливость, связанная, конечно, с трагической судьбой Батюшкова, его ранним уходом в мрак безумия, уже более столетия тревожит сердца исследователей литературы. С конца XIX века и по сей день появилось около десятка книг разных авторов, посвящённых его творческому пути, его стихам и прозе. Перед нами — ещё одна книга, актуально современная, приближающая ту далёкую эпоху и дающая возможность пристально разглядеть с огромного исторического расстояния личность и судьбу поэта, услышать его мелодический язык. Удивительным и, возможно, не задуманным автором образом она оказалась очень в масть нашему времени, вызывающему невесёлые мысли не только о завтрашнем дне культуры, но и о природе человека и об ощущении катастрофичности происходящего вокруг нас, — о насильственной вырванности из привычного обихода, круга мыслей, надежд на будущее и планов на жизнь. Что должен был чувствовать человек, помещённый волею судеб в самую гущу жестокой и кровопролитной войны, разочаровавшийся в своей “маленькой философии”, дававшей ему силы для существования, потерявший твёрдую опору под ногами, то же чувствуем и мы, оказавшись перед вызовами современности.

Важно, что автор книги Глеб Шульпяков — поэт. Это обеспечивает особую оптику, позволяющую догадаться о непроговорённом, понять психологию другого поэта, внимательно вслушаться не только в слова, но и в мелодию его стиха. Про интерес автора к предмету его исследования было понятно уже давно. Глебу принадлежат два очень стилистически точных стихотворения о Батюшкове — оба они вмещают в себя цельный образ поэта. Первое, античное, с эпической интонацией, говорит об органической сопричастности его творчества мировой культуре. Это реализация в поэзии пушкинского упрека в адрес Батюшкова о “соединении обычаев мифологических с обычаями жителя подмосковной деревни”. Для Пушкина этот эклектизм был неприемлем, у Батюшкова более чем органичен. За туманным окном своего затерянного в снегах хантанов-

ского дома он умел разглядеть купола Капитолия. И хотя счастья эта способность ему не обеспечивала, но давала возможность выжить.

В деревне полночь. Спят. Горит одно окошко в целом доме, но оно окно сестры. Она читает письма, потом свеча, взмахнув тенями, гаснет.
*“Сорренто! колыбель печальных дней,
 где я в ночи, как трепетный Асканий,
 бежал, вручив себя волнам на милость...”*
 Тем временем на небо взгромоздилась зелёная, как яблоко, звезда — всю ночь она качается на ветке, но наш певец не зрит звезды в эфире, поскольку спит, судьбу в слова вплетая, и только вологодские коровы, пригнув рога, бредут на Капитолий.

Второе, более позднее и более трагическое стихотворение о Батюшкове, если не ошибаюсь, автор написал уже в процессе работы над книгой. И создал иной образ — не деревенского жителя, воспаряющего в мечтах в золотой век, но выстрадавшего свою судьбу скитальца:

с анакреоновой песенкой весело
 лишнюю тяжесть за борт,
 чтобы таможня харона не взвесила
 горестей груз и забот —
 дух эолийский горагия флакка
 вышний хранит волочёк
 облако родины — веером флага
 чёрная точка-зрачок

Надо отметить, что поэзию Глеба Шульпякова населяют многие персонажи русской поэзии, и невозможно было предсказать, что интерес к Батюшкову обернётся пьесой, статьями, публикацией архивных материалов — огромным исследованием, в котором есть и научная точность, и исследовательская основатель-

ность, и лично пережитый опыт. И, конечно, поэтическое осмысление личности и судьбы своего героя.

Завораживающе интересны те главы книги, в которых автор прикасается к батюшковской биографии, так сказать, физически, описывая свои поездки по местам, связанным с Лейпцигской битвой народов или годами лечения Батюшкова в Зонненштайне, одной из германских клиник для душевнобольных. Эти впечатления настолько сокращают историческую перспективу, что, кажется, рукой подать до 1813-го и уж тем более до 1828 года. Можно ходить по тем же камням, видеть те же пейзажи. Это ощущение, всегда очень сильное, в книге передано так, что оно может быть легко позаимствовано читателем, стать его собственным.

Перспектива, в конце которой стоит одинокая фигура Батюшкова, в книге всё время расширяется, включая не только события жизни поэта, но и литературный быт и большую историю. В повествование вводятся многочисленные персонажи, родственники и друзья героя, его наставники и благодетели, его сослуживцы, собратья по цеху, военачальники и вельможи, правители и деятели эпохи, мелькают разные страны, расстилается подробная географическая карта перемещений и странствий Батюшкова по России и Европе. Автор добивается многомерности центрального образа, создает ощущение живой жизни, даёт возможность почувствовать вкус времени.

Традиция, в которую Шульпяков встраивает свою книгу, понятна. Как писал Н.Я. Эйдельман о новорождённом С.И. Муравьёве-Апостоле, “мальчик едва взглянул на мир — и уж попал в омут календарей, религий, имён, мнений, которым вместе тесновато”. Это, конечно, тот же метод — тесноты биографического ряда, метод проверенный и очень плодотворный, требующий от автора огромной эрудиции и широты взгляда. И если ни один писатель не может создать из александровской эпохи “3D-модель”, то во всяком случае можно попытаться не оставлять Батюшкова в одиночестве его деревенского затворничества.

Одна из важных смысловых и эмоциональных доминант в книге — дневник Антона Дитриха, врача душевнобольного Батюшкова, который сопровождал его из Германии в Россию

и вёл подробные записи об этом путешествии (некоторые части дневника опубликованы здесь впервые). Страшные обличия безумия, которые довелось видеть и фиксировать врачу, предстают перед нами в натуральную величину, без прикрас, вторгаясь в рассказ о юности и молодости поэта, о поре расцвета его таланта, о его надеждах на будущее, которые — это уже понятно — никогда не осуществляются. Эта ось скрепляет воедино все этапы жизненного пути Батюшкова, начавшегося с безумия матери и закончившегося собственным безумием. А между всем этим — “лёгкая поэзия”, словесная игра, итальянское звучание, попытка изменить мир и собственную судьбу силой творчества. Действительность, пугавшая поэта своей хаотичностью, преобразовалась в его стихотворениях в прекрасный и понятный в своей простоте мир, раздвоенность и противоречивость его сознания оборачивались цельностью и ясностью созданных поэтическим воображением образов. Действие этого необъяснимого механизма в книге Шульпякова зафиксировано довольно точно.

По его собственным словам, он писал книгу, которую сам хотел бы прочитать, поэтому пытаться очертить ее читательскую аудиторию невозможно. Как кажется, она может быть очень широкой, потому что читать о Батюшкове можно по-разному. У Шульпякова получился увлекательный роман, он же историческая эпопея, он же биографическое исследование, он же развёрнутое эссе о литературе и её “кошачьих и лисьих следах”. Как говорится — на любой вкус. Могу только позавидовать будущему читателю этой своевременной книги, потому что мною она, увы, уже прочитана.

АННА СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС

Памяти Эдуарда Бабаева